

Азия

Когда тебе в Азию нужно
увидеть живую луну,
садись на скамейку и слушай
густую, как мёд, тишину.
Подъедет со скрипом телега,
возница поправит усы
и скажет: «Я сын того века,
что слушал рассказы грозы.
Садись. Казахстаном укройся,
Монгольскую степь притяни.
Уж больно обильные росы
нам выпали в летние дни!
Китай, если нужно, в дороге
связав в золотые снопы,
с молитвою чистой и строгой
сложи у звериной тропы.

Хотел ты на Азию сбрую
надежд человечьих надеть?
Тебе я возможность дарю,
как сыну степей, умереть.
С котомкой вчерашних отрепий
и с беркутом ярим в груди.
Вот Азия! В жёлтые степи
с поклоном сыновним войди».

Монгольская степь

Здесь камыши к себе зовут
ночными криками: «Ты пойман!»
На пуговицы старых юрт
застёгнута речная пойма.
И солнце в красном шушуне,
сползая вниз, тоской собачьей
обдаст всю степь, как на войне,
и сетью в камышах рыбачит.
А ночью холод, словно змей,
вползёт в бессонницу монгола
и ну толкать его: «Скорей
коснись земли рукою голой!»
Вся степь — как звёздные часы
под наблюдением курганов:
живыми каплями росы
блестит, укрытая туманом.
На взлёте беркут прокричит
своё «и-чу!» и в звёзды канет,
и тень по травам волочит,
как побывавшую в капкане.

Поэт в Багдаде

Слух, приятель, ветром даден,
и на семь вершков могуч.
В старом, тыквенном Багдаде
купишь мёда и сургуч.
Отнесёшь добычу в спальню
юной, ласковой княжне,
чтоб живые, в кольцах, пальцы
не готовились к войне.

Тут эмаль, а там — кинжалы.
Ходят-бродят посреди
слуги в белом, слуги в алом,
и айран разлит в бадьи.
Вес становится условным,
ноги пляшут там и тут,
и серебряные волны
от кальяна в сад плывут.

«Принимай, княжна, с Алтая
шкуры соболя и лис!
Мы сыграли свадьбу в мае,
а в июле – развелись.
И теперь моя свобода,
что росла среди полей,
ищет всюду, ищет брода
к белой рученьке твоей!»

У Багдада соль на шее
проступает в жаркий день.
В опахалах хорошеет
и княжну целует тень.
Просыпаюсь под телегой.
Ни жены, ни дома нет.
Только утренняя нега,
только звание — поэт!

Перекаты Катуня

Цветная пыль, как радуга, повисла
над одиноким камнем и поёт.
Идя, как в бой, река не видит смысла
остановить запущенный завод.

С горы спустилась шустрою козюю,
опасный спуск преодолев за день,
и падает избранницей рябою
в её струю раскидистая тень.

Перелететь бурлящую стихию
боится молчаливая пчела.
Перелетают новости плохие,
хорошие — глядят из-за угла.

Подводный ад средь зелени какой-то,
котёл, кипящий розовой водой!
Качается, как на пружинах койки,
и проплывает мимо сухостой.

Вода старухой кажется беззубой,
когда ворчит на отблески зари,
и ударяясь лбом о камень грубый,
обильные пускает пузыри.

Но зверь придёт и радостно долдонит,
и в берег бьёт копытом молодым...

«Пей, сколько хочешь, вот мои ладони,
в них небо голубиное и дым!
Тебе отдамся всей своей водою,
которую веками можно пить.
Айда со мной, шалуньей молодою,
широкую Сибирью колесить!»

Яблочные сны

Сентябрь — казак, Степашка Разин —
с утра победный сеет гам.
И — казни, казни, казни, казни
созревших яблок по садам!
Везут стеклянную посуду
и сахар, жизни эликсир,
и медный чан, и ложек груды...
Варенье — всякому кумир!
И на перронах станций дачных,
где остро пахнет шпал мазут,
звучит Огинский... Не иначе
в Москву Царь-яблоко везут!
И мы с тобою на Алтае,
зарывшись в сено на дворе,
живую повесть наболтаем
о жёлтой яблочной поре.
Из сундука достанем сбрую,
в свистульку дунем из сосны
и — дай нам Бог! — перезимуем,
вкушая яблочные сны.

Считалочка из детства

Я знаю: сердце — середина лета,
томатов и варений заготовка.
Мелькнёт вдали сиреневая лента —
оскал грозы, перемещение тока.
Три трактора уедут на свиданье
с сырою почвой, пахнущею сыром,
и свет войдёт, и щель между домами
собой заполнит, как мастикой синей.
Ответит на вопросы ветерана
война: зачем взяла и сколько?
И улетит серебряною ранью,
увидев цель неведомую, сойка.
Я думаю, что лето... Впрочем, хватит

судить об этом чересчур лирично!
Ещё не пели птицы при Сократе,
ещё Донской стрелу для сечи кличет.
Ещё не завтра уходит в солдаты,
на новый путь ступив легко и просто,
и щуки в камышах одутловаты,
и дышат маком русские погосты.
Ещё не знают имени младенцы,
завёрнутые в тёплые конверты,
ещё жива считалочка из детства:
«Оса, стрекозка — середина лета...»

Алтайский язык

Рябое небо плавает в реке,
продутое зелёными ветрами.
В алтайском незнакомом говорке
увиду то, что называют снами.
Увижу ручейки русальных слёз,
отшельника тугую власяницу,
и кедры на горах, и сена воз,
от тяжести готовый наклониться.
Увижу жизнь, которая текла
в долинах гор, себя письмом не метя,
и дома, у рабочего стола
сгорю в костре мучительных столетий.
Язык алтайский зычен и румян,
в нём Азия ножи косые точит
на пришлецов и утренний туман
ползёт змеёй среди ковыльных кочек.
Сию среди алтайцев и курю
их трубку, дар священного Алтая.
По-своему, по-русски говорю,
их разговор сердечный понимая.

Зелёный бык

Я к чудесам земным привык
и ледники пою Алтая.
Но вот и он — зелёный бык —
идёт и головой мотает.
Его зелёные рога
полны задумчивости камня,
и чешет голову быка
осока влажными руками.

Среди ухоженных коров
он — как алтайская сиротка:
и бабочкам весёлым — кров,
и заводи широкой — лодка.
Зелёный бык? Таков удел
деревьев в лунном окруженье!
Округу пачкает, как мел,
тумана кроткое служенье.

А ночь без лодок и сетей
вернуть готовится обратно
пропавших без вести детей,
кто утонул в реке когда-то.
Они земную благодать
вдохнут и улыбнутся лету.
И бык зелёный их катать
охотно будет до рассвета.

Чтоб настоялась речь...

Я скоро засыпаю,
и в чуткой тишине
порог меня читает
и дерево в окне.
Таков у нас обычай:
рекою русой течь
вдоль красоты девичьей,
чтоб настоялась речь.

Тугие косы, бусы
и аромат белил
нужны, чтоб в каждом брусе
сверчок певучий жил.
И рудники Алтая,
и табуны коней
всю ночь тебя читают
от пяток до бровей.

Восход рассыпал буквы
по балке потолка.
Как золотые булки,
волнуется река.
И щука разговора
хватает на лету
и речь ночного бора,
и утра красоту.

Парень в линиялой гимнастёрке

Даль дыханием сладким продута
четырёх азиатских ветров,
и встаёт одинокое утро
у казацких потухших костров.
Как подстреленный заяц, несётся
пук травы у палаток и служб.
Надо ехать. В тени у колодца
заблестел уползающий уж.
Прячет уши в колёса телеги
одинокий тушканчик, в себе
ощущая стремительность бега
и покорность хозяйке-судьбе.
Неужели тот парень в линиялой
боевой гимнастёрке своей —
это я в своей жизни бывалой,
что ушла из открытых дверей?
За горами алтайскими вяжет
лунный сумрак корзину тому,
кто уже никому не расскажет,
как отряд воевал Бухтарму.
Парень, парень, зачем на рассвете
небывалого нового дня
твоя почта в помятом конверте
догоняет и мучит меня?
Что я сделал тебе в ту эпоху,
что не сделал тебе, расскажи,
если ты укоряющим вздохом
атакуешь просторы души?
Гаснут в небе живые картины,
и мистический свет от луны
метит каплями желатина
неподвижные валуны.
И идут на разведку любовью
из далёкой Гражданской войны,
окружая моё изголовье,
спецотряды — опора страны.

Луна в посёлке Зеркальный

В посёлке Зеркальный луна отдыхает на дне речного затона, среди рыбьего зыбкого сна, и смотрит на избу, гулянку ночную извне, сквозь охру воды, любопытством кухарки полна.

Три лодки уплыли за мыс, оставляя усы на тёмной воде, а их тени — на жабрах линей. Каркасы черёмух похожи на тонкие сны: из мира иного глядят на причуды людей.

В мелькании крыльев, в сиянии крапчатой тьмы нарезки видны, как в охотничьих длинных стволах, а лампу засветишь — нисходит печаль на умы, хоть с вечера мучит гармошку лихой вертопрах.

Коллоидный воздух на гору и рошу надет, как звёздный колпак, согревая ночные труды. И всюду, как свечи, горят уже тысячу лет берёзы и сосны... Их видит луна из воды.

Устал гармонист и к мосткам деревянным идёт, пуская дымок папирсой, а после во след атлантикой веет и жабьей икрою несёт и жёлтая струйка рождает нехитрый сонет.

В посёлке Зеркальный я сторожем зеркала был, а в лучшие дни — и с другими мирами связным. Светает там поздно... Со дна, отряхнув с себя ил, всплывает луна золотая и тает, как дым.

Разговор с дождём

Утром с постели встану —
ты за окном идёшь
в бурке седой тумана,
широкоплечий дождь.

Вешаешь всюду бусы,
манишь идти с собой,
добрый, зеленоусый,
клумбовый, ледяной!

И озорник к тому же:
не покладая рук
обыкновенной луже
даришь тончайший звук!

Дёргаю колокольчик —
долог его шнурок...
Может быть, кто захочет
свидеться на часок?

Верю: за облаками
вся сойдётся родня,
станет плескать руками,
спрашивать про меня.

«Как ты сюда?.. Надолго?..
Где?.. На Алтае?.. Что ж...»
Ах ты, в одежде волглой
старый мучитель — дождь!

Птичий язык

«Ярлынь-и-кир-ру»... Сколько раз
такое в небе повторится!
Язык возможностью гораздо
и вытянут в длину, как спица.

Привычный Азии язык —
десантник, прыгнувший на землю.
Стихосложения родник
его кружение приемлет.

«Ярлынь-и-кир-ру»... Сколько раз
мне говорила это птица,
а я всё ждал: её рассказ
в живую песню превратится!

Переведён на языки
народов европейских будет.
И ножницами край реки
я резал вопреки минуте.

Сегодня степь с её теплом
и журавлиным перелётом
сказать готова ветерком
и дымкой утренней что-то.

«Ярлынь-и-кир-ру»? «Кир-ру лынь!» —
несётся на задворках лета.
И сладким запахом полынь
встречает своего поэта.

И Скрябин, повелитель звукоцвета...

На три любви помножь Катунский хрящ,
что будет? Глыба снежная да пряник!
Но Азией себя перепояшь,
и духовым оркестром солнце грядет.
Звук видим станет, краска запоёт,
и Скрябин, повелитель звукоцвета,
учёным шагом в Азию войдёт,
чтоб зацвело засушливое лето.
Всё это снится мёртвому песку,
зурне усталой, и горячий ветер
грызёт, как кость, звериную тоску
под саксаулом — деревом столетий.

Одуванчики

Вот одуванчик, стеклодув Алтая,
задумавший шары на этот год,
с весенним солнцем о любви болтает
и льёт лучи на влажный огород.

К чему ведёт суровая учёба,
у солнца, у поляны, у ручья
с тобой и мы узнаем, глаз укропа
направив на устои бытия.

Пусть этот сон стеклянный зеленеет
и создаёт прозрачные миры.
Полны движений, сотканых из лени,
к июню поседевшие шары.

Ответственная выпала задача
парашютистам общества «Заря»:
сутулых гор кафтан переиначить,
поставить облака на якоря.

И скинут одеяло трав, и лягут
алтайскою царевной, и во сне
до марта проболтают об отваге,
о дружбе стеклодувов и луне.

Богатырь в Муромском лесу

В балладе спит, как на кровати,
качаясь на пружине слов.
Поди, в балладе места хватит
для див, волшебников и сов?
Копьё сознание пронзило
мальца, что по весне рождён,
ведь сила — сало, сила — мыло
и из могил заздравный звон!
Вот едет. Муромскому лесу
богатыря держать — не блажь!
В нём столько силы, столько весу,
что в землю просится багаж.
Греми мечом, громи таможни,
клади царей, как штабеля!
Сквозь мыслей гул услышать можно,
как дышит Русская земля.
О, богатырь! Иван да Марья
в тебе сплетаются, любя
весь этот мир, на вид — комарий...
Каток асфальтовый — в тебя!
Прими просадку грунта, сваи,
движенье влаги под собой
как факт неслыханной отваги,
как зов трубы идти на бой!
И вправду — сытая кобыла
уходит в жирный чернозём,
как будто правило забыла:
вниз — умираем, вверх — растём.

Снег сгребают лопатой — крышкой от ноутбука...

В Белогорье зима, и не видно блистающих радуг.
Деревенская сага и брага ведут меж собой разговор.
Сбой режима работы — не лучший от жизни подарок,
и литовке в чулане ромашковый снится простор.

А зима — от ума, от плохих новостей... Неразборчив
почерк белых равнин, что бегут от окошка к тебе.
Мириадами радужных, светом пронизанных строчек
замелькает дорога, и станет просторно в судьбе.

У тебя ребяташки с утра занимаются боксом,
и блестит журавля полированный воздухом рот,
а когда на коне, в лисьей шапке ты едешь в Усть-Коксу,
он летит над тобою и крыльями небо стрижёт.

Я и сам не пойму, по какой задержался причине
в этом мире забот, и живу, и пою не дыша.
Может, это пралайя — любви, человечьей кручины,
и всё то, что я вижу, желает надолго душа.

В Белогорье зима — по алтайским поверьям, наука,
как себя создавать, и твой младший сынок во дворе
снег сгребают лопатой — крышкой от ноутбука...
Может, так оно лучше — в заботе, в работе, в игре!